

П.Н. Милюков

**Очерки по истории русской
культуры**

**Часть 1. Население,
экономический,
государственный и сословный
строй**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

- П11 **П.Н. Милюков**
Очерки по истории русской культуры: Часть 1. Население, экономический, государственный и сословный строй / П.Н. Милюков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 232 с.

ISBN 978-5-458-05011-1

В «Очерках» Милюков показал большую роль государства в формировании русского общества, утверждая, что Россия, несмотря на свои особенности, шла европейским путем развития, а также привёл свои доводы относительно приспособляемости русского «национального типа» к заимствованным общественным институтам. Полагая, что «существует ряд основных закономерных эволюций разных сторон социальной жизни», Милюков не считал возможным объяснять исторический процесс развитием производства или «духовным началом». Он стремился рассматривать единую историю как ряд взаимосвязанных, но разных историй: политической, военной, культурной и других. Первая часть исследования знакомит нас «с тем историческим зданием, в котором провел свою жизнь русский народ». Здесь изложены «общие понятия» об истории, её задачах и методах научного познания, определены теоретические подходы автора к анализу исторического материала, а также представлены очерки о населении, экономическом, государственном и социальном строе.

ISBN 978-5-458-05011-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

русского купечества со второй половины XVII в. 97—98. — Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній 98. — Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в. по настоящее время 99—100. — Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ 100. — Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза 101—102. — Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней 102—103. — Исторія денегъ и цѣвъ 103—105. — Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя) 105—107. — Частный кредитъ 107—110. — Высота процента и прибыли 107. — Правительственные попытки дешеваго кредита 107—108. — Положеніе кредита, въ первой половинѣ XIX вѣка 108—109. — Быстрое развитіе его во второй половинѣ вѣка 109—110. — Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи 110—111.

Очеркъ третій. Государственный строй (войско, финансы, учрежденія) 113—163

- I. Отношеніе между государственнымъ и социальнымъ строемъ у насъ и на западѣ 113—115. — Причины ранняго усиленія государства въ Россіи 115—116. — Военный характеръ Московскаго государства 116. — Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—1720-хъ годахъ 117—120. — Военныя нужды и расходы послѣ Петра 120—121. — Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ 121—125. — Другія государственныя потребности и соответствующія имъ статьи расходовъ 125—126. — Содержаніе двора 125. — Финансы и государственное хозяйство 125—126. — Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ 126.
- II. Характеръ древнѣйшей финансовой системы 127—128. — Исторія прямого обложенія 128—142. — Русскій раскладочный механизмъ 128—130. — Его происхожденіе 130—131. — Древнѣйшая «соха» и ея преобразование въ срединѣ XVI столѣтія 132—133. — Перемѣны въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины 133—134. — Введеніе подворнаго обложенія 134—136. — Переходъ къ подушному обложенію и его судьба 136—138. — Современное положеніе прямого обложенія 139. — Виды промысловаго налога въ древней Россіи 139. — Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ 140. — Первые шаги къ подоходному обложенію 140—142. — Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета 142—143. — Регалии, государственныя имущества и пошлины 143—144. — Тяжестъ обложенія и ея вліяніе на пойки населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода 144—146.
- III. Связь развитія русскихъ государственныхъ учреждений съ военными и финансовыми нуждами 147—148. — Дворцовые и государственныя элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси 148—149. — Механическое нарастаніе учреждений съ конца XV в. по средину XVI в. 148. — Финансовый

характеръ административныхъ реформъ Ивана IV 150. — Новые паросты; территориальный характеръ центрального управленія 150—151. — Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ втеченіе ХУІІ в. 152. — Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра 152—153. — Развитие областного устройства и разрушеніе центрального, какъ ихъ результатъ 153—154. — Первая систематическая реформа государственныхъ учреждений: ея неудача 154—155. — Общій итогъ развитія государственныхъ учреждений до Екатерины II 155—157. — Вторая систематическая реформа областныхъ учреждений (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I) 157—163.

Очеркъ четвертый. Сословный строй. 164—212

- I. Роль дворянства въ исторіи Запада 364. — Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы 165—166. — Переходъ отъ вольной службы къ невольной 166. — Закрѣпощеніе служилого сословія 167. — Судьбы русской высшей аристократіи 167—181. — Политика Грознаго и мѣстническая система 168—171. — Подготовка дворянскихъ привилегій въ ХVII в. и ихъ развитіе въ ХVIII в. 171—172. — Новые богатства высшей аристократіи 173. — Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности 173—174. — Постепенная потеря привилегированнаго положенія 175. — Попытки его восстановленія и вѣроятная судьба этихъ попытокъ 175—176.
- II. Роль западнаго города въ жизни Европы 177—178. — Происхожденіе и характеръ русскихъ городскихъ поселеній 178—179. — Москва 179. — Численность и населенность городовъ 179—180. — Процессъ обособленія городского сословія 180—183. — Обособленіе городского тягла и доступность его для другихъ сословій 180—182. — Прикрѣпленіе къ городскому тягу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городского сословія 182—183. — Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба» 183—184. — Происхожденіе городского самоуправленія изъ «вѣрной службы» 184—185. — Раскрѣпленіе городского сословія и новое смѣшеніе его съ другими 185.
- III. Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы 186—187. — Происхожденіе русской общины 187—189. — Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ категорій русскаго крестьянства 189—190. — Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ 191. — Прикрѣпленіе къ тягу и служилому сословію 191—191. — Правительственныя и владѣльческія мѣры закрѣпленія 193. — Фактическое прекращеніе свободнаго перхода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкуренціи хозяевъ за рабочія руки 193—196. — Видъ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи 196—197. — Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія частнымъ 197—198. — Стороны крѣпостнаго права, регламентированныя и остав-

шіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ 198. — Непрочность крѣпостнаго права 199. — Сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія 199—202. — Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія 202—203. — Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи 204—205. — Исторія удѣльныхъ крестьянъ 205—206. — Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ 206—210. — Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ 207—210. — Аграрная политика XVIII и XIX вѣка 210—211. — Вопросъ о будущемъ общины 211—212.

Итого 23

Резюме сдѣланныхъ выводовъ 213—216. — Общія черты ихъ 216. — Своеобразіе русскаго историческаго процесса преувеличеніе этой основной черты во взглядѣ націоналистовъ 216. — Элементарность русскаго процесса и преувеличеніе этой черты во взглядѣ западниковъ 217. — Первый взглядъ страдаетъ недостаткомъ анализа, второй — недостаткомъ синтеза историческихъ условій 218—220. — Вопросъ о сохраненіи традиціи и о заимствованіи новыхъ формъ 220—221. — Что такое настоящая культурная традиція? 222—223.

Карты, картограммы и діаграммы.

Движеніе	27
Увеличеніе	32
Сравнительная населенность европ. Россіи въ 1722 и 1835г. оуд.	къ стр. 32
Развитіе русскаго племени на территоріи европ. Россіи съ середины XVI вѣка.	
Княжества XI—XIII столѣтій (въ ихъ отношеніи къ племенамъ).	44
Карта русскихъ нарѣчій.	
Распределеніе главныхъ статей расхода въ бюджетахъ 1880—1892 гг.	122
Распределеніе главныхъ статей дохода въ бюджетахъ 1880—1892 гг.	къ стр. 144

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Миллюкова.

ВВЕДЕНИЕ: ОБЩАЯ ПОНЯТИЯ.

«Прогнатическая» и «культурная» исторія.— Споры о содержаніи культурной исторіи.— Споры о цѣли и способахъ изученія культурной исторіи.— Теоретическія задачи исторической науки и прикладныя задачи политическаго искусства.— Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи исторіи».— Служая границы телеологическаго объясненія, «философія исторіи» превращается въ научную теорію прогресса.— Закономѣрность, какъ цѣль научнаго объясненія исторіи.— Существуютъ ли историческіе законы?— Трудности социологическаго анализа.— Соціологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа.— Дедукція основныхъ социологическихъ тенденцій.— Видопзмѣненіе этихъ тенденцій подъ вліяніемъ среды.— Вліяніе окружающей обстановки.— Понятіе случайности въ исторіи.— Роль личнаго фактора.— Безсознательное и цѣлесообразное, лично- и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности.— Цѣль и содержаніе «Очерковъ».

Принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ съ Агамемнономъ подъ Трою, греческій пѣвецъ Троянской войны счелъ нужнымъ сдѣлать такое предисловіе:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы, божества, вездѣущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ; молву мы единую слышимъ;—
— Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять горлавей,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющей голосъ и мѣдныя перси.
Развѣ, небесныя музы, Кроніда великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ приходившихъ подъ Трою ахейцъ!
— Только вождей корабельныхъ и всѣхъ корабль я исчислю».

Приблизительно такъ же, какъ Гомеръ, разсуждало огромное большинство историковъ стараго и новаго времени. Ни силъ, ни знаній человѣческихъ не хватило бы для того, чтобы изобразить «всѣхъ рядовыхъ бойцовъ» въ исторіи человѣчества. Поэтому исторія должна ограничиться разсказомъ объ однихъ «вождяхъ и очерки по исторіи русской культуры.

владыках». Личная история вождей, их дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія — таково должно быть главное содержаніе историческаго разсказа. А идеальной цѣлью историка должно быть — изобразить эти приключенія «вождей» съ возможно болѣею большою живостью и драматичностью, въ возможно болѣе совершенной художественной формѣ. Но что же дѣлать со всей остальной безымянной массой обыкновенныхъ людей, за которыми не числятся никакихъ подвиговъ, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній? Историки-разсказчики игнорировали ихъ вовсе, замѣчая иногда, въ свое оправданіе, или для успокоенія читателей, что исторія толпы сама собой уже отразится въ біографіи героевъ, какъ ея лучшихъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Не такъ давно, однакоже, появилось среди историковъ направление, не предъусмотрѣнное Гомеромъ. Направленіе это рѣшительно утверждало, что истинный предметъ исторіи — не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстная. Сторонники новаго направленія прибавляли къ этому, что такая исторія безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ, — не только не будетъ недостоверна, но что она, напротивъ, будетъ несравненно достовернѣе той исторіи, къ которой насъ приучали до сихъ поръ историки-повѣствователи. Въ доказательство они приводили то соображеніе, что самая подробная личная исторія есть, во-первыхъ, самая сомнительная въ сущности, такъ какъ никакой свидѣтель-очевидецъ не можетъ ни видѣть, ни запомнить, ни передать безомысленно-вожъ подробностей жизни извѣстнаго лица или всѣхъ частныхъ даннаго событія; во-вторыхъ, что такая исторія будетъ совершенно анекдотична и случайна, такъ какъ существованіе и дѣятельность личности зависить отъ тысячи мелкихъ и случайныхъ причинъ. Наоборотъ, исторія народной массы, утверждали они, — будетъ, прежде всего, заключать въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное; затѣмъ, такую исторію можно будетъ изучать болѣе точнымъ научнымъ методомъ: методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т. е. *статистическимъ*; наконецъ, въ силу такого своего содержанія и метода исторія народной массы дастъ намъ возможность впервые понять причины и смыслъ историческихъ явленій; такимъ образомъ, исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ», — и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу.

Въ сравнительно короткое время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе. Исторія «событій» отошла на второй планъ передъ исторіей «быта»,—учрежденій и нравовъ. Изученіе *внѣшней* исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію *внутренней* (бытовой или культурной).

Таковъ общій смыслъ переворота, совершившагося въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. «Культурная исторія» составляетъ предметъ занятій или, по крайней мѣрѣ, стремленій большинства историковъ нашего времени. Но согласіе между ними очень скоро кончается, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, что должно составлять содержаніе культурной исторіи, и съ какой цѣлью ее слѣдуетъ изучать. Относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи — развитіе государства, другіе—развитіе социальныхъ отношеній, третьи—экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи суживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни человѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно стало употребительно въ нашей литературѣ. Какъ противоположность «культурной» исторіи въ узкомъ смыслѣ, у насъ часто употребляютъ терминъ «матеріальной» исторіи. Не разъ уже оказывалось, однако, что такое употребленіе терминовъ ведетъ къ излишнимъ недоразумѣніямъ и бываетъ причиною довольно бесплодныхъ пререканій. Въ виду этого всего лучше, кажется, будетъ вернуться къ первоначальному употребленію слова «культурная» исторія, т.-е. пользоваться имъ въ томъ, болѣе широкомъ, смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Этимъ устранятся, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія; вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія—вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другаго элемента культурной исторіи кажется

намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простые явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленные стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Какъ бы далеко мы ни пошли въ анализѣ элементовъ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ, основа историческаго процесса не можетъ быть проще и однороднѣе, чѣмъ основа человѣческой природы, развивающейся въ этомъ процессѣ. И если гдѣ-нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ сторонахъ человѣческой природы, а въ различныхъ степеняхъ ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простаго и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни,—матеріальной и духовной,—и тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодѣйствія.

Какъ бы мы ни рѣшили, впрочемъ, споръ о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ «культурной исторіи», мы никогда не поймемъ, почему этотъ споръ принялъ такой острый характеръ, если оставимся при его обсужденіи на чисто теоретической почвѣ. Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одинъ изъ этихъ явленій къ другимъ, обѣ спорящія стороны, большую частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререкавіяхъ по поводу *содержанія* культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу *цѣли и способовъ* историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно непримиримыя другъ съ другомъ; принявъ подъ свою защиту ту или другую гипотезу, эти міровоззрѣнія сообщили и этимъ гипотезамъ тотъ же характеръ непримиримости.

Культурная исторія, сказали мы выше, можетъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу. Оба эти побужденія для занятій культурной исторіей—и научный интересъ, и практическая польза—одинаково умѣстны и законны. Но не надо забывать, что это—два различныя побужденія. Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія,—практической дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни. Первый, ставя

свой вопросъ, «почему»,—стремится къ уясненію *закономѣрности* историческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ, «зачѣмъ»,—старается постигнуть его *цѣлесообразность*. Первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій; второй добывается ихъ «смысла». И если первый никоимъ образомъ не можетъ признать историческое явленіе безпричиннымъ, то второй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ будетъ признать это самое явленіе—безсмысленнымъ. Тамъ, гдѣ первый ограничится спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и удовлетворится открытіемъ ихъ внутренняго отношенія,—тамъ второй постарается выѣшаться въ ходъ событій и установить между ними то отношеніе, какое ему желательно. Однимъ словомъ, первый поставитъ своею цѣлью изученіе, второй—творчество; одинъ откроетъ законы исторической науки, а другой установитъ правила политическаго искусства.

Во всемъ этомъ параллелизмъ нѣтъ, какъ видимъ, ничего неправильнаго и незаконнаго. Наука и искусство вездѣ и всегда существовали рядомъ, не мѣшая другъ другу и не врываясь въ законную сферу взаимной дѣятельности. Искусство нуждается въ наукѣ: въ данномъ случаѣ, политическое искусство нуждается въ законахъ исторической науки, безъ знанія которыхъ не могутъ быть уставлены его правила. Вотъ и всѣ нормальныя отношенія ихъ другъ къ другу. Въ теоріи такъ легко провести эту демаркаціонную линію. И однако же, оказывается почти невозможнымъ выдержать ее на практикѣ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ познающій и дѣйствующій субъектъ стоятъ такъ близко другъ къ другу, такъ часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что сдѣшеніе научной и практической точки зрѣнія становится самымъ обыкновеннымъ случаемъ. Механика и химика никакая внутренняя сила не побуждаетъ заняться непремѣнно усовершенствованіями въ машиностроеніи или въ технологіи. Физиологъ обыкновенно не занимается леченіемъ людей, хотя легко представить себѣ случай, въ которомъ дать медицинскій совѣтъ будетъ для него нравственной обязанностью. То, что для физиолога составляетъ болѣе или менѣе рѣдкій случай,—для социолога и историка превращается въ общее правило. Какъ членъ даннаго общества, социологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ: окружающей его общественной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно,—своею дѣятельностью, или даже просто своими мнѣніями—онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе ученой работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ не-

принадлежащую ей область причиннаго объясненія. Это вполне естественно, но, тѣмъ не менѣе, неправильно. Что же сказать, когда на помощь факту является оправдывающая его теорія, и вторженіе искусства въ область науки объявляется дѣломъ вполне законнымъ? Спѣвка такой теоріи, очевидно, вполне зависитъ отъ оцѣнки диктующаго ее побужденія. Такъ какъ подобное сочетаніе разнородныхъ точекъ зрѣнія нельзя уже бываетъ отнести ни къ области науки, ни къ области искусства, то единственнымъ возможнымъ исходомъ оказывается—отнести ее къ области «философіи». Философія—это тотъ паровой котель, въ которомъ всевозможные иррациональные обрѣзки человѣческаго духа претворяются въ однородную и безцвѣтную массу высшаго синтеза, готовую принять въ умѣлыхъ рукахъ какую угодно форму.

Поиски за «смысломъ» исторіи, истолкованіе историческаго процесса съ точки зрѣнія цѣлесообразности, дѣйствительно, только и могутъ быть отнесены къ области «философіи исторіи». Ни историческая наука, ни политическое искусство не имѣютъ съ этой промежуточной областью ничего общаго. При этихъ условіяхъ не можетъ быть дальнѣйшаго спора между противниками и сторонниками «философіи исторіи». Дѣло рѣшается простой справкой съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Для однихъ эта рубрика въ самой себѣ заключаетъ свое лучшее оправданіе. Для другихъ, — и мы принадлежимъ къ ихъ числу, — «философія исторіи», въ смыслѣ телеологическаго объясненія исторіи, есть только одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ давно разрушеннаго міровоззрѣнія.

Здѣсь, впрочемъ, необходимо объяснитьсь подробнѣе. Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое сдѣлала, чтобы, по возможности, ограничить область исторической телеологіи. Нечего и говорить, что «философы исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской телеологіи, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ. Они отказываются отъ понятія о высшей цѣли, руководящей развитіемъ человѣчества. Они готовы даже пожертвовать философской идеей общаго плана, осуществляющагося во всемірной исторіи. Все, чего они хотятъ,—это признанія той степени цѣлесообразности, которую вкладываетъ въ исторію самъ человѣкъ, какъ дѣятель историческаго процесса. Область исторіи, говорятъ они, есть область человѣческихъ поступковъ; а дѣятельность человѣческой воли, несомнѣнно, цѣлесообразна. Цѣль, существующая въ человѣческомъ сознаніи, — это таже причина его поступка. Такимъ образомъ, цѣлесообразность социальнаго процесса есть только част-